

Рука, которая коснулась Марин, была маленькой. Выражение лица Виолетты было гораздо более детским, чем ей казалось ранее. В этот момент Марин поняла, что девочка тоже была ребёнком младше её. Сама Марин не была достаточно взрослой, чтобы называть Виолетту ребёнком, но это не меняло того, что она всё ещё была слабее Марин, которая родилась на несколько лет раньше её.

— Прости, что втянула тебя в это дело, и прости, что заставила сопровождать меня... если ты хочешь уйти, я не стану тебя останавливать.

Искажённая улыбка Виолетты выглядела грустной и одинокой, но она всё ещё заставляла себя говорить это.

Даже если Виолетта скажет, что хочет, чтобы Марин осталась с ней, она не сможет протянуть ей руку и сказать, чтобы она не уходила.

Если никто не мог дать ей это, её надежда была всё равно что мусор. Даже если она хотела кому-то высказать свои мысли, этого человека нигде не было видно. В то время как подобные вещи происходили постоянно, на Виолетте запечатлелось не то, что её желание не исполнилось, а то, что она не сможет получить всё, что хотела.

Внешне Виолетта напоминала Марин, когда та была ещё дочерью своих родителей, что закончилось всего через четыре года.

Марин, которая не могла вырваться из мира, где её не любили, и Виолетта, которая не могла убежать из мира, где её не любили. Познав один и тот же мир, они пришли к совершенно разным результатам.

Марин гадала, кто из них счастливее, и чувствовала, что ведёт себя нелепо.

Кто-то в этом мире был бы счастлив убежать от своих родителей, которые не любили их, и получить благосклонность от сестёр. Кто-то в этом мире был бы счастлив стать благородной дочерью, обладающей богатством и властью, даже если бы их не любили. Кто-то в этом мире был бы счастлив остаться в живых.

Люди легко могли сказать, что они счастливы. Когда Марин размышляла об этом, мыслям не было конца. Было много людей, которые были более несчастны, чем Марин и Виолетта, и они притворялись, что утешают других людей и топтали своё собственное сердце.

Марин видела этих похожих на хлопок людей, полных веры и самоотверженности, в церкви. На самом деле они были хорошими людьми, мягкими и нежными, но она не хотела счастья, когда ей приходилось смеяться, игнорировать и усугублять свою и без того болезненную рану.

Марин была оставлена без любви родителей, а Виолетту заставили сопровождать искаженное

заблуждение. Они отнюдь не были счастливы.

Так что, несомненно, Марин испытывала симпатию к Виолетте.

— ...Я не уйду.

Девушка, которая стояла одна и даже не плакала, была слишком одинока. Тот факт, что никто не поддерживал её, причинял боль.

Хотя Марин не могла стоять рядом с ней, она хотела быть уверенной, что когда Виолетта оглянется, кто-то улыбнется ей.

И если родители бросят её, Марин сможет занять их место.

— Я останусь с тобой навсегда. В конце концов, это жизнь, которую вы... Виолетта-сама, спасли.

Эта маленькая рука, несомненно, спасла Марин в тот день. Если бы Виолетта отвернулась от неё в тот момент, жизнь Марин могла бы оборваться.

Человек, который спас жизнь Марин и до сих пор держался за неё, была Виолетта.

Питательная пища, чистая одежда, чистая вода и тёплое одеяло.

Церковь, которая верила, что только верность Богу сможет как-то всё уладить, всегда была в нищете, получая больше сирот, чем могла. Её жизнь была средней, когда она всё ещё была зажата между членами своей семьи, но нынешняя её жизнь была ещё более комфортной, чем всё это.

Если причина была тривиальной, она могла просто рассмеяться.

Виолетта сказала, что глаза Марин, которые она так ненавидела, были прекрасны. Эти слова, эта маленькая доброта были спусковым крючком всего.

В центре её сердца, в центре её жизни. В том месте, которое издавало звук "биения", был мягкий жар.

Марин хотела остаться с ней. На этот раз она хотела сказать девушке, которая сказала, что её глаза прекрасны, что она прекрасна.

Это была, несомненно, симпатия, и, несомненно, первая привязанность, которую Марин когда-

либо испытывала.

Не только Виолетта, но и мир Марин тоже изменился в тот день.

х х х х

Марин вернулась в свою комнату позже обычного, потому что обсуждала меню завтрака на завтра. Если утром появится хоть тень этого, она заставит Виолетту волноваться.

— А, расписание на завтра...

Виолетта сказала, что после школы у неё будет пикник, так что она вернётся чуть позже. Марин открыла свой регулярно используемый ежедневник и отредактировала расписание.

Звук металла, царапающего бумагу, отозвался эхом, и она увидела авторучку в своей руке. Марин подумала, что эта ручка цвета вишнёвого цвета слишком хороша для неё, но она была уверена, что не изменит её до конца своей жизни.

Виолетта подарила её ей, чтобы отпраздновать двадцатилетие Марин.

Она стала взрослой, и Виолетте тоже было уже семнадцать лет.

С того дня Марин прожила с Виолеттой семь лет, поначалу из сочувствия. Она видела освежающе эгоистичных родителей Виолетты и то, как мало-помалу та искажалась.

Сострадание сменилось нежностью, и Виолетта с каждым днём становилась всё важнее для неё. Чем больше Марин заботилась о Виолетте, тем больше она чувствовала, когда о ней не заботились, и тем больше ненавидела тех, кто не заботился о Виолетте.

(Здорово, что она выглядит счастливой.)

Виолетта была человеком, который хорошо подавлял свои эмоции и убивал их, и редко показывал какое-либо выражение. Марин не могла винить её, потому что она тоже была такой, но в её собственном случае это было потому, что взлёты и падения её эмоций были очень малы.

Эта Виолетта казалась необычайно счастливой, судя по тому, что она также не заставляла себя сидеть за обеденным столом, что должно было заставить её чувствовать себя подавленной. Никто из людей, сидевших с ней за одним столом, не понимал этого, но даже если бы они заметили, они бы только дали какую-то проповедь. Если им всё равно наплевать на чувства Виолетты, то, может быть, лучше вообще ничего не замечать.

Когда Марин спросила о причине, она сказала, что дала обещание Юрану устроить пикник.

Марин знала Юрана Куглеса. Они познакомились через Виолетту, но почти не разговаривали. Тот Юран, которого знала Марин, был по выражению лица, которое она видела, когда Юран был вместе с Виолеттой, а также по его действиям в разговорах Виолетты.

Марин знала его имя, лицо и кое-какую информацию о нём, но их отношения не так уж сильно отличались от чужих.

Тем не менее доверие Марин к Юрану было достаточно сильным, чтобы назвать его своим товарищем.

Товарищ, который очень заботливо относился к Виолетте.

Товарищ, который желал ей счастья больше всего на свете.

Если бы Виолетта выходила одна, Марин пришлось бы ещё немного подумать, но если бы она была вместе с Юраном, он наверняка защитил бы её от неприятных услуг. Несмотря на всё внимание, которое Виолетта получала, она, конечно же, не понимала влияния своей собственной внешности. Вполне естественно, что она не знала об этом в доме, где её даже не называли по имени, но как только она выйдет на улицу, все будут привлечены к Виолетте, независимо от её осведомлённости.

— Должна ли я уменьшить порцию...

Виолетта вернётся к обеду, но если она съест что-нибудь до этого, Марин должна будет уменьшить количество для своей хозяйки, которая ела меньше, чем обычные люди.

Марин написала записку, чтобы не забыть, и положила её на завтрашнюю одежду. Как только она легла в постель, ей захотелось спать.

В своём сознании, которое медленно погружалось в мир грёз, она желала, чтобы завтра Виолетта вернулась домой с улыбкой.

<http://tl.rulate.ru/book/20460/760845>